

ЗИГЗАГИ ЦАРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Главным противником в годы опричнины царь считал своего двоюродного брата старицкого князя Владимира Андреевича. Его он боялся, пожалуй, больше всего: ведь то был основной династический соперник Грозного. Нельзя сказать, чтобы эти опасения были совсем беспочвенны. Царь прекрасно помнил о мятеже, поднятом против него, тогда семилетнего мальчишки, его взрослым дядей, отцом Владимира Андреевича. Если сейчас царь умрет, наследником останется его сын Иван, еще юноша. И тогда может повториться ситуация 30-летней давности, и Владимир Андреевич получит возможность оспаривать престол у юного государя. В 1566 году царь опять отобрал часть удела у своего кузена, дав ему взамен совсем новые земли, где население и служилые люди не привыкли видеть в старицком князе своего государя.

Но затем происходит нечто не до конца понятное. Царь Иван почему-то как бы отступает и делает несколько примирительных жестов в пользу и земщины, и князя Владимира. Летом 1566 года в Москве Иван IV собрал земский собор для обсуждения мирных предложений Великого княжества Литовского. Пригласили туда, видимо, только земских. Во всяком случае, видные опричные руководители в соборе не участвовали. Это было естественно: в безоговорочном послушании своих личных слуг царь должен был быть уверен настолько, что даже для виду не мог спрашивать их мнения. Есть не до конца достоверные, но все же вероятные сведения, что участники собора подали царю Ивану коллективную челобитную с просьбой отменить опричнину. Откуда вдруг такая решимость? Не исключено, что возник слух: царь и сам хотел бы покончить с опричниной, да нужен повод. Ведь как раз тогда же были амнистированы и возвращены из ссылки в Казанский край несколько десятков князей, которых отправили туда всего лишь год тому назад. Вернувшимся ссыльным отдали и конфискованные у них вотчины.

Намечается и какое-то сближение с Владимиром Андреевичем. Первоначально при учреждении опричнины царь конфисковал в Кремле двор Владимира Андреевича с тем, чтобы построить на его месте свой опричный дворец. Вспыхнувший 1 февраля 1565 года пожар помог царю расчистить строительную площадку: и двор князя Владимира, и соседний двор князя Ивана Федоровича Мстиславского полностью выгорели. Однако весной следующего года, накануне собора, царь, решивший строить себе новый дворец вне Кремля, *“пожаловал”* своего брата: *“...велел ему поставити двор*

на старом месте” да еще “для пространства” прибавил место, где до пожара стоял двор князя Мстиславского.

Этим не ограничиваются странные зигзаги царской политики в 1566 году. 19 мая 1566 года ушел на покой по болезни (*“за немощь велию”*) митрополит Афанасий. До пострижения в монахи он, протопоп Андрей, был долгие годы царским духовником, настоятелем придворного Благовещенского собора. В митрополиты он был избран царем всего за неполных два года до своей внезапной “немощи”. Вероятно, Афанасий не хотел себя компрометировать связью с опричниной.

Царь Иван предложил митрополичий престол, казалось бы, на редкость удачному кандидату: казанскому архиепископу Герману Полеву. Он постригся в монахи в Иосифо-Волоколамском монастыре, цитадели воинствующих церковников, поддерживавших во всем государя всея Руси. Недаром именно этот монастырь был семейной усыпальницей знаменитого опричного палача Малюты Скуратова. Отец Германа, монах того же монастыря “старец Филофей”, вместе с Германом вел следствие по делу еретика-вольнодумца Матвея Башкина. Герман даже лично конвоировал осужденного в монастырскую тюрьму. Дальние родственники Германа служили в опричнине.

Но суровый в вопросах “чистоты веры”, Герман тем не менее оказался мужественным противником незаконного насилия. Еще не утвержденный, только-только назначенный царем на высокий пост, он уже стал поучать царя, угрожая страшным судом за казни невинных людей. Возмущенные опричники напомнили царю о Сильвестре и Адашеве, предупреждали, что его ждет “неволя” от епископа, “еще горшая”, чем от руководителей Избранной рады. Да царю и самому не захотелось иметь дело со строптивым митрополитом. По словам Курбского, Иван IV заявил Герману: *“Еще... и на митрополию не возведен еси, а ”уже мя неволею обвязуешь!”* Герман был отправлен обратно в Казань, а примерно через два года его казнили.

Но совсем неожиданной была следующая кандидатура в митрополиты: игумен Соловецкого монастыря Филипп, в миру - Федор Степанович Колычев. Единственное, что могло показаться в нем привлекательным царю Ивану, - это то, что два двоюродных брата Филиппа, отпрыски старого московского боярского рода, были опричниками. Сама же биография Филиппа никак не давала повода ожидать, что он будет удобным и послушным главой церкви.

В монахи Филипп постригся 30-летним, полным сил человеком, опасаясь кары за участие в мятеже Андрея Старицкого. Несомненной, таким образом, была его связь со старицкими князьями. Но мало того: у Колычевых были поместья в Новгородской земле, а Новгород всегда был под

подозрением у царя. Когда Филипп ехал в Москву, то около Новгорода к нему пришли представители горожан и молили заступиться перед царем за их город.

За время игуменства в Соловецком монастыре Филипп приобрел репутацию прежде всего прекрасного администратора, организатора хозяйственной деятельности. Ни до, ни после здесь не было такого разворотистого настоятеля. Когда читаешь “Житие святого Филиппа митрополита” или “Соловецкий летописец”, не оставляет ощущение, что кто-то перевел на древнерусский язык очерк о передовом директоре совхоза.

С именем Филиппа связано огромное строительство в монастыре, но не столько храмов, сколько хозяйственных сооружений. Здесь и сеть каналов, соединивших 72 озера и использованных для водяных мельниц, и кирпичный завод, дававший в год 40 тысяч кирпичей, и каменные поварни, и сушилка для рыбы, и склады в подклетах церквей. Он даже применял механизацию: был создан посевной агрегат, позволявший одному человеку сеять одновременно из семи “решет”.

Условием своего вступления на митрополичий престол Филипп поставил отмену опричнины. Дальнейшая логика действий царя Ивана непонятна. Казалось бы, он в лучшем случае должен был отправить соловецкого игумена назад. Разве был у него недостаток в покорных иерархах вроде настоятеля кремлевского Чудова монастыря Левкия? Зачем был нужен царю на митрополичьем престоле такой заведомый строптивец, да еще связанный со Старицей и Новгородом? Но Грозный почему-то стал уговаривать, упрашивать Филиппа взять назад свое требование и стать митрополитом.

В чем дело? В том ли, что логика действий деспота обычно включает в себя некую долю непредсказуемости, самодурства? Или мы просто не знаем каких-то небольших, несущественных деталей, которые могут объяснить подоплеку событий? Но так или иначе царь сумел уговорить Филиппа, тот дал обязательство, чтоб *“в опришнину ему и в царьской домово́й обиход не вѣстунатися”*.

Трудно сказать, чем объясняется некоторая передышка в политике террора в 1566 году. Быть может, пока шло формирование опричного корпуса и опричной администрации, царь как бы усыплял общественное мнение. Но, во всяком случае, передышка была недолгой: очень скоро начинаются новые и новые казни “изменников”.

Одним из самых громких было дело Ивана Петровича Федорова. Знатный боярин и владелец обширных вотчин, Иван Петрович был одним из немногих деятелей администрации того времени, о котором было известно, что он не берет взятки. В “оправдание” такому оригинальному образу

действий можно заметить, что боярин был не только несметно богат, но и бездетен, так что и не нуждался в дополнительных источниках дохода. И все же репутация человека безукоризненной честности создавала ему популярность. Ему отдавал должное даже Генрих Штаден. А он, как и большинство аморальных людей, считал, что весь мир состоит из таких же корыстолюбивых мерзавцев, как он сам.

С восторгом, например, описывает Штаден плутни московских подьячих и даже приводит записанную им латинскими буквами русскую пословицу: *“Ruka ruki moit”*. И тем не менее Штаден писал о Федорове, что *“он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен”*. Неограниченные диктаторы обычно опасаются безупречных людей, которых не на чем поймать, тех, кто пользуется любовью народных масс: они опасны своей независимостью.

По рассказу Альберта Шлихтинга, Федорова обвинили в том, что он хочет захватить царский престол. Его привели в царские палаты, Иван Грозный приказал ему надеть царское облачение, посадил на трон, поклонился как царю, а затем сказал: *“Как в моей власти поместить тебя на этом троне, так в той же самой власти лежит и снять тебя”*, после чего всадил в него нож. Следующие ножевые удары нанесли опричники. Так и погиб Иван Петрович Федоров в страшных мучениях.

Царь Иван был не просто жестоким правителем, по и садистом, находившим наслаждение в убийствах и мучениях своих жертв. Гибли не только те, кого он сам считал (или делал вид, что считал) опасными заговорщиками. Иногда можно было поплатиться жизнью за малейшую неосторожность. По словам Шлихтинга, *“скажет ли при дворе кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеется или поморщится, станет веселым или печальным, сейчас же возникнет обвинение, что ты заодно с врагами или замыслишь против него (Ивана IV, - В. К.) что-либо преступное”*. Иногда царь убивал людей в шутку. Так, однажды, развеселившись за столом, он облил горячими щами одного опричника. Увидев, как он мучается от ожогов, царь “пожалел” своего подданного и всадил в него нож. Пир продолжался.

Казни и Ивана Петровича Федорова, и многих других, столь же невинных людей, привели к тому, что Филипп оказался больше не в состоянии придерживаться своего обязательства *“не вступатися”* в опричнину. Весной 1568 года митрополит в Успенском соборе во время богослужения публично отказал царю в благословении, осудил опричнину и казни. Он напоминал царю, что тот поставлен судить людей по правде, *“а не мучительски сан держати”*. Столкновения продолжались и летом.

Однако свести митрополита с престола было не так легко и для Ивана Грозного. В сентябре в Соловецкий монастырь отправилась комиссия, чтобы собрать компрометирующие Филиппа материалы о его деятельности в бытность игуменом. Формально во главе этой комиссии стоял суздальский епископ Пафнутий, который уже выступал против Филиппа и в защиту опричнины (ведь Суздальский уезд был опричным). Входил в комиссию и архимандрит Московского Спасо-Андроникова монастыря Феодосий.

Но главная роль принадлежала двум опричникам: знатному Юриковичу князю Василию Ивановичу Темкину-Ростовскому и опричному дьяку Дмитрию Михайловичу Пивову. Одних монахов они сумели запугать, других прельстили щедрыми посулами. Игумену Паисию обещали даже возвести его в епископы (впрочем, лжесвидетель не получил обещанной награды). И все же обвинения против Филиппа были настолько шиты белыми нитками, что даже противник митрополита епископ Пафнутий отказался подписать результаты работы комиссии, утверждавшей, что Филипп вел в монастыре порочную жизнь.

В ноябре на церковном соборе послушные иерархи низложили Филиппа. Особенно ярым его обвинителем выступил новгородский архиепископ Пимен. Уже после собора Филиппа заставили служить митрополичью службу в Успенском соборе. Во время богослужения опричники во главе с боярином Алексеем Басмановым торжественно объявили об осуждении митрополита, сорвали с него облачение и арестовали. Опального иерарха отвезли в заточение в Отроч монастырь под Тверью.